

Михаил Петрович Арцыбашев

**Рассказ об одной
пощечине**

Михаил Петрович Арцыбашев

Рассказ об одной пощечине

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=2848845

Аннотация

«Большая светлая луна выглянула из-за черной, растрепанной крыши сарая и сначала как будто осмотрела двор, а потом, убедившись, что ничего страшного нет, стала круглиться, вылезать и села на самой крыше, круглая, желтая, улыбающаяся.

На дворе сразу побелело, и под заборами и сараями легли черные таинственные тени. Стало прохладно, легко и свежо. Наконец кончился жаркий, томительный день, и в первый раз вздохнулось всей грудью...»

Содержание

I	4
II	10
Конец ознакомительного фрагмента.	14

Михаил Петрович

Арцыбашев

Рассказ об одной пощечине

I

Большая светлая луна выглянула из-за черной, растрепанной крыши сарая и сначала как будто осмотрела двор, а потом, убедившись, что ничего страшного нет, стала круглиться, вылезать и села на самой крыше, круглая, желтая, улыбающаяся.

На дворе сразу побелело, и под заборами и сараями легли черные таинственные тени. Стало прохладно, легко и свежо. Наконец кончился жаркий, томительный день, и в первый раз вздохнулось всей грудью.

На огороде, спускающемся к реке, капуста стала как серебряная, и под каждым кочном притаилась маленькая круглая тень; а за огородом заблестел в воде широкий лунный столб, и на тысячу голосов зазвенели лягушки, точно с ними приключилась и невесть какая радость.

С улицы уже доносились пискливые звуки гармоники, голоса и смех девок.

На нашем столе, поставленном прямо во дворе, перед

крыльцом, голубыми искорками заблестели стаканы и самовар, во весь свой продавленный бок постарался отразить круглое лицо луны; это, впрочем, плохо удалось, и вместо сияющей круглой рожи получилось подобие длинного желтого лимона.

Протянув усталые от дневного шатания по болотам ноги, я, доктор Зайцев и учитель Милин сидели за столом, а наш охотник – как гордо называл его доктор – захудалый мешанишко Иван Ферапонтов, по уличному прозвищу – Дыня, в длинном черном засаленном сюртуке, сам непомерно длинный и худой, стоял в сторонке и почтительно держал в обеих руках стакан чаю.

Все охотничьи впечатления дня были уже исчерпаны и воспоминания иссякли, а уходить на сеновал спать все еще не хотелось: уж очень была хороша ночь, и луна что-то бередила в душе.

Хозяина нашего не было дома – он уехал на ночь в поле, – а прислуживала нам его жена, высокая худая баба с красивыми злыми черными глазами и подвязанной щекой.

– Что, Малаша, зубы болят? – спросил, придя в благодушное настроение, доктор.

Красивая Маланья злобно сверкнула черными глазами, рывком схватила со стола самовар и унесла в темные сени.

Дыня почтительно, но не без ехидства, хихикнул в стороне.

– Зубы! – загадочно пробормотал.

– Злющая баба! – сообщил нам доктор, почему-то игриво подмигнув, точно в этом заключалось что-то пикантное. – И скажите мне, пожалуйста, почему это чем женщина красивее, тем она и злее... Добрые женщины всегда бывают курносыми, рыхлыми, бесцветными... а вот в такой шельме всегда сто чертей сидит!

Доктор не то сокрушенно, не то глубокомысленно покачал головой и вздохнул.

Я невольно вспомнил красивую жену доктора, но промолчал.

– Это верно, что в каждой бабе черт сидит! – отозвался длинный Дыня, по-своему восприняв изречение доктора.

Маланья шмыгнула мимо нас и скрылась за ворота.

– Муж побил! – совершенно неожиданно проговорил Дыня и засмеялся от удовольствия.

– Разве муж бьет ее? – с удивлением переспросил тихий Милин.

– А почему – нет? – в свою очередь, удивился Дыня. – Бабу ежели не бить... – Он выразительно присвистнул и засмеялся. – Бабу бить необходимо! – помолчав, прибавил он веско и с несокрушимой уверенностью.

– Да за что же он ее бьет... такую красивую? – тихо сказал Милин.

– Красивую!.. – с негодованием фыркнул Дыня. – Может, за то и бьет, что красивая!

После этого загадочного объяснения все примолкли.

Луна лезла прямо на стол, что-то тревожила и будила в душе. Черные злые глаза красивой бабы, которую муж бьет за то, что она красива, беспокойно стояли перед нами. Стало грустно и жаль чего-то.

Черный сеттер доктора, Укроп, неожиданно вылез из-под стола, потянулся на всех четырех лапах, помахал хвостом, ни к кому, собственно, не обращаясь, и, подняв узкую морду с большими блестящими глазами, долго смотрел на луну. Потом, вздохнув, свернулся клубочком прямо на дорожке, в пыли, спрятал морду в лапы и затих.

– Вот вы говорите, что женщину не бить нельзя... – вдруг начал доктор, – а почему?

– Известно почему, – от себя негодуяще прибавил Дыня. Милин кротко пожал плечами.

– Ну, что за вопрос, Николай Федорыч... Бить женщину... это уж, по-моему...

– Что, по-вашему?..

– Нет, это уж вы Бог знает что! – протянул Милин как будто даже несколько обиженно. – Во-первых, женщина слабее вас, а во-вторых... ну, это – понятно!..

– Ничего мне не понятно!.. Я ведь и не говорю, что женщину надо непременно бить, – с нетерпением перебил доктор. – Зря бить никого не следует... Но ведь есть такие случаи, когда нельзя не бить... Если, скажем, хулиган на вас упадет, вы что же, ему реверансы делать будете, что ли?

– Так то хулиган!

– Ну, а если и не хулиган, а так просто кто-нибудь заедет вам в физиономию, так вы будете справляться, не слабее ли он вас?

– Это совсем другое дело!

– Странное дело! – не слушая, продолжал доктор. – А разве хулиган не может оказаться слабее вас в десять раз? Да иная баба сто очков вперед другому хулигану даст!.. Так на этом основании надо сложить руки: лупи, мол, в свое удовольствие, потому что ты слабее меня...

– Ну, что вы, ей-Богу! То хулиган, а то женщина... И сами вы прекрасно понимаете эту разницу, а только так, нарочно спорите!.. – возмутился Милин, и при луне отчетливо было видно его болезненно-удивленное лицо.

– Нет, не понимаю!.. Вообразите, что не понимаю!.. Что, вы не видали разве женщин вздорных, грубых, злых, сварливых, которые лезут вам в нос и уши, отравляют жизнь, расстраивают нервы и здоровье?.. Женщина! Если ты женщина и требуешь к себе какого-то особого рыцарского отношения, так и держи себя рыцарской дамой. Будь женщиной такой, чтобы иного отношения, кроме самого рыцарского, и не понадобилось!.. Слабее!.. Ну и помни, что ты слабее, и не лезь... Помни, что тебя щадят, так это именно только щадя твою слабость, из великодушия сильного, а не...

– Это другой вопрос, – перебил Милин, начиная горячиться, – а бить женщину, бить существо, которое гораздо слабее и не может ответить тем же, гадко и омерзительно. И я уве-

рен, что хоть вы и спорите, а у вас у самого рука не подымет-
ся на женщину... Бить женщину!.. Тьфу, мерзость!.. Разве
вы могли бы уважать мужчину, который бьет женщину?

Доктор язвительно усмехнулся.

– А меня вы уважаете?

Милин воззрился на него.

– Что за вопрос?

Доктор скривился еще язвительнее.

– Нет, вы ответьте!

– Ну, конечно... Я уверен, что...

– И совершенно напрасно уверены! – со странным полу-
смешком возразил доктор. – Придется мне, значит, лишиться
вашего уважения!..

– Разве вы... – неловко начал Милин.

– Да-с... Я единственный раз в жизни побил человека, и
этот человек была женщина!

Милин растерянно развел руками, что-то хотел сказать,
но издал только неопределенный слабый звук, точно писк-
нул.

Всем стало неловко.

Луна поднялась выше. Теперь она была маленькая и бе-
лая. На улице по-прежнему раздавались звуки гармоники,
голоса и смех. На самом краю деревни кто-то, должно быть,
пьяный пронзительно и дико закричал. Черный Укроп заво-
рочался и чихнул, не то от пыли, не то от лунного света, ко-
торый лез ему прямо в морду.

II

– Вы вот как будто сконфузились за меня, – опять заговорил доктор, – а я вам скажу, что единственное, что я испытываю, когда вспоминаю этот случай, так это жгучее удовольствие!.. И именно потому, что это не была какая-нибудь там символическая пощечина, а самая настоящая затрещина: с ног слетела!..

Дыня засмеялся.

Милин недоумевающе пожал плечами.

– Н-не пон-нимаю! – гадливо протянул он и низко нагнулся к стакану с совершенно холодным чаем. Доктор помолчал.

– Мне все-таки не хочется лишиться вашего уважения, – полуехидно, полуискренно проговорил он, – а потому я лучше расскажу вам, как все это вышло...

Милин выжидательно воззрился на него.

– Видите ли, я должен оговориться, что это было очень давно, еще во времена моего студенчества, когда жизнь проклятая еще не приучила меня не возмущаться ничем. Конечно, теперь ничего подобного со мной быть не может, но думаю, что это вовсе не делает мне чести! Доктор вздохнул и как будто призадумался на мгновение. Глядя на его толстое, обрюзгшее лицо, я невольно подумал: «Да, теперь тебя вряд ли чем проймешь!»

– Ну, так вот-с... Было это летом, когда я перешел на тре-

тий курс. По рекомендации одной этакой благотворительной дамы получил я урок у профессора Н... заниматься с его дочерью по...

– Н.? – быстро переспросил Милин. – Это тот самый, который...

– Вот именно-с... «тот самый, который»... – с ударением повторил доктор. – Вот именно, да!.. Ну-с, урок был во всех отношениях завидный: вознаграждение прекрасное, местность, в которой было имение профессора, самая живописная, а кроме того, и сам профессор был авторитетом не только для нас, студентов... Имя его гремело даже за границей, и хотя он уже давно нигде не читал по особым обстоятельствам, но это, конечно, только окружало его известным ореолом в глазах тогдашней молодежи. Вся интеллигентная Россия относилась к нему с величайшим уважением, и он этого заслуживал: помимо того, что это был замечательный ученый, он проявил себя смелым и честным гражданином, а тогда это ценилось высоко!.. Мне завидовали все товарищи, и, ей-Богу, я испытывал некоторую гордость, точно был не случайно приглашенным репетитором, а и в самом деле чем-то близким к великому человеку. Поэтому вам, конечно, понятно, что ехал я с замиранием сердца, готовый к полному преклонению, и весь внутренне подбирался, мечтая показать профессору, что я достоин его выбора, хотя выбора, собственно, никакого и не было!..

Приехал я поздно вечером. Меня встретил сам профес-

сор, отвел во флигель, где была приготовлена для меня прекрасная комната, позаботился о том, чтобы мне дали ужинать и чаю, немного поговорил со мною об университете, и всё так просто и ласково, что мне даже немного неловко стало: чувствовал же я, не мог не чувствовать, что в сравнении с ним я – мальчишка и щенок, полное ничтожество и больше ничего!.. И стыдно мне стало, что я собирался поражать его своими блестящими качествами, которых у меня не было!.. Теперь я уже, конечно, и охладел, и огрубел, но тогда был у меня еще искренний энтузиазм, умел я ценить человеческий гений.

Милин сочувственно и значительно кивнул головой.

– Ну, одним словом, когда он ушел, пожелав мне спокойной ночи, я был в большом волнении, очарован и восхищен, даже тронут, и все думал о том, что вот именно таким и должен быть настоящий большой человек: простым, деликатным и ровным со всеми, потому что ему нечего бояться и некому завидовать. И в самом деле, было в нем что-то обаятельное: высокий седой старик, с совершенно молодыми блестящими глазами и такой добродушно-милой иронической улыбкой, что никак нельзя было понять, считается ли он со своим собеседником серьезно или смотрит на него, как на ребенка... И это не обижало, а напротив, трогало, как трогает, например, когда большая, сильная, добрая собака, с такой, знаете, умной, серьезной мордой, позволяет себя трепать за уши какому-нибудь длинноухому легкомысленному

ценку... Может быть, сравнение неподходящее, но...

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.